

Юрий Ротенфельд

ФИЛОСОФИЯ КАК НАУКА

Двадцать пять потерянных веков

Юрий Ротенфельд

**Философия как наука. Двадцать
пять потерянных веков**

«Издательские решения»

Ротенфельд Ю.

Философия как наука. Двадцать пять потерянных веков /
Ю. Ротенфельд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856318-8

Во все времена предпринимались попытки согласовать философию с природной необходимостью, превратив ее в объективную науку, поскольку источником знания всегда выступала реальность. Однако философам так и не удалось перейти от мнений — от рассудочного мышления классификационными понятиями, к разумному мышлению конкретно-всеобщими сравнительными понятиями. Я сумел это сделать. В результате философия стала кумулятивной наукой, отражающей наиболее общие законы развития природы, общества и мышления.

ISBN 978-5-44-856318-8

© Ротенфельд Ю.
© Издательские решения

Содержание

I. Введение. Свобода от разума и путь к нему	6
II. Древнегреческое мышление по пути от рассудка к разуму	10
1. Три типа мышления	10
2. О точках зрения	13
3. Милетская школа	18
4. Пифагор и пифагорейцы	21
5. Гераклит: «Гармония лука и лиры»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Философия как наука

Двадцать пять потерянных веков

Юрий Ротенфельд

Иллюстратор В. И. Тильман

Редактор Л. А. Дорожина

© Юрий Ротенфельд, 2019

© В. И. Тильман, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-6318-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарю покойного моего брата Володю Тильмана за подаренные мне рисунки в знак понимания и признания тех идей, которые я высказывал ему, не будучи еще профессиональным философом.

Выражаю благодарность моим друзьям и коллегам, поддерживающих и разделяющих мои идеи.

Благодарю жену – первую слушательницу, самого строгого критика и самого сильного моего сподвижника и вдохновителя.

Редактор Л. А. Дорожина

Художник В. И. Тильман

Все права защищены.

Впервые эта книга была опубликована в 2008 году на основе разработанного мной нового философского направления – неклассическая диалектика. Она называлась «Миссия Патриарха» и была издана символическим тиражом, что предопределило ее судьбу – книга осталась неизвестной. А поскольку ценность книги сохраняется и сегодня, постольку я решил разделить книгу на две части. Название одной из них я оставил прежним. Тогда как название данной книги я вынужден был заменить на более подходящее – «Философия как наука».

I. Введение. Свобода от разума и путь к нему

От разума к рассудку. Проблема взаимосвязи рассудка и разума пронизывает всю историю европейской философии. Их различие наметилось уже в древности. В философии Аристотеля – это пассивный и активный разум, тогда как уже в средние века, например, в учении Николая Кузанского рассудок и разум – интеллект – понимались как ступени познания. Однако наиболее углубленно взаимосвязь этих категорий рассматривается в немецкой классической философии.

Так, например, И. Кант считал, что познание складывается из трех ступеней: чувственного, рассудочного и разумного. Органы чувств дают нам ощущения и восприятия, которые, как явления, упорядочиваются рассудком путем создания понятий и категорий. Выйти за пределы чувственного опыта и постигнуть сущность вещей, понять их такими, какими они существуют независимо от нас, может только разум. Но попытки разума постичь сущность окружающего мира оказываются тщетными.

Иной в этом вопросе была позиция Гегеля, который сделал попытку постичь рассудочное и разумное мышление в их диалектической связи, в единстве. По его мнению, рассудок – это низшая ступень мышления. Он способен давать всего лишь застывшие определения вещей, расчленять объекты на части, фиксировать их противоположные стороны.

Под рассудочной стороной мышления обычно понимают способность последовательно и непротиворечиво рассуждать с субъективных точек зрения, приводить наши знания в определенную систему.

В разумном мышлении понятия должны выступать в динамике, отражая изменчивость, процессуальность и объективность бытия. Здесь заключено различие между рассудочной формальной логикой и разумной диалектической логикой, которая в учении Гегеля в полной мере так и не смогла стать реальностью. Не стала она воплощением разума и в более позднее время, несмотря на усилия многих поколений философов.

Как же могло случиться, что, продвигаясь по пути от рассудка к разуму, и претендуя на роль «науки наук», философия в течение двух с половиной тысяч лет не только не обрела искомое, но напротив, пошла вспять, полностью потеряв направление интеллектуального развития?

И сегодня философия не только не может возвыситься над рассудочным мышлением, но, напротив, все более утопает в иррационализме, впадает в мистику.

Поэтому свободная философия, как ее понимал, например, Н. Бердяев, т.е. – стремление человеческого духа быть свободным от реальности, от рабства у необходимости, – это движение разума вспять.

«Научная логика, пишет Н. Бердяев, есть орудие приспособления к необходимости, в ней есть покорность мировой необходимости, и на ней лежит печать ограниченности этой необходимостью, этой данностью»¹. «Философия, – продолжает Н. Бердяев, – есть принципиально иного качества реакция на мир, чем наука... *Подчинение философии науке есть подчинение свободы необходимости*. Научная философия есть порабощенная философия, отдавшая свою первородную свободу во власть необходимости»².

Стихия философии – свобода от «мира», а не необходимость.

---

¹ Бердяев Н. Смысл творчества./Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 23

² Там же. С. 25

Вместе с тем, во все времена были попытки превратить философию в науку, согласовать ее с природной необходимостью, поскольку источником знания всегда выступала реальность. Не случайно философия всегда стремилась к четкому отделению субъективного мнения, связанного с произвольными размышлениями субъекта, от интересубъективного и объективного знания. Подразделение на знание и мнение было одной из предпосылок возникновения науки. Однако философия в этом отношении никакого существенного прогресса не добилась. Так может, нужно принять тезис Н. Бердяева о том, что

«философия ни в каком смысле не есть наука и ни в каком смысле не должна быть научной»³! «Философия есть искусство, а не наука»⁴.

На мой взгляд, дело заключается в том, что философское знание нуждается не только в рассудочном мышлении и в найденных им предельно общих понятиях – философских категориях, но и в разумном мышлении, выделяющем принципиально другие абстракции – некие структуры мысли, отражающие динамику и структуру бытия. Однако зародившаяся в античной философии система этих абстракций не только не получила движения вперед в последующие эпохи, а, напротив, философия растеряла и то, что было наработано. Я имею в виду те абстракции, которые Аристотель называет «видами противоположения», и считаю, что без их возрождения философия *никогда* не сможет претендовать на разумность. Она так и останется филодоксией – субъективной, рассудочной любовью к мнениям. Отсюда берет свое начало и рассудочность многих гуманитарных наук.

«Метафизика» Аристотеля как образец единства логики рассудка и логики разума. Общеизвестно, что три из четырех основных формально-логических законов, которым подчиняется процесс рассудочного мышления, были найдены Аристотелем. Это: закон тождества, закон непротиворечия, закон исключенного третьего, содержание которых было изложено в его главном произведении «Метафизика». Но это – только законы правильного мышления, а не сокрытые от поверхностного взгляда законы объективного мира. И Аристотель ищет глубже, пытаясь обнаружить самые исходные «начала» бытия, поскольку его главной целью является логическое обобщение *всех* известных ему и его предшественникам отношений действительности.

В этой связи, считает Аристотель, «следует найти основные роды различий, которые и будут началами бытия». Поэтому прежде, чем строить свою формальную логику, как и другие науки – физику или этику, Аристотель осмысляет «начала», обозначая их как «четыре вида противоположения»: «противоречащее» одно другому, «противоположное», «соотнесенное», «лишенность и обладание». А также последнее «откуда» и последнее «куда», которые обусловлены разного рода возникновением и уничтожением⁵. Причем только одно из этих начал – «противоречащее» было использовано Аристотелем для обоснования рассудочной логики. Другие «начала» используются им в иных науках: физике, этике и служат «началами» разумного мышления.

Аристотель хорошо понимает, что *в основе познания лежит сравнение вещей друг с другом*, каждая вещь обозначается по отношению к каждой, как то же самое – тождественное, либо другое – различное. Поэтому тождество у него предполагает равенство, сходство предметов в каком-либо отношении. Но абсолютного, абстрактного тождества в действительности

³ Там же. С. 19

⁴ Там же. С. 27

⁵ О видах противоположения как «началах» бытия: См. «Метафизика». Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 1, М., «Мысль», 1975. Вся эта книга пронизана осмыслением исходных философских абстракций, делающих философию хотя и несовершенной, но сугубо научной дисциплиной. Вот несколько страниц, посвященных этой теме: Книга 5, глава 10, стр. 159. Глава 15, стр. 166. Книга 10, глава 3 и 4, стр. 258 – 261. Глава 7, стр. 266. На базе этих отношений строится аристотелевская «Физика». См. Т. 3, книга 1, глава 5, стр. 70 – 74. «Никомахова этика». См. Т. 4., книга 2, стр. 78 – 94.

не существует, поэтому люди отвлекаются от несущественных различий и фиксируют свое внимание на тождестве предметов или их свойств. При этом тождество всегда существует в связи с различием. Любое понятие, например, «стол», «дерево» связано с умением различать и отождествлять вещи. А это умение и исторически, и логически предшествует возникновению речи, умению говорить.

Это значит, что в основе рассудочного мышления как первой ступени рациональности, отличающей человека от животного, лежит умение отождествлять и различать вещи, называя каждую из них своим словом. При этом не только закон тождества, но и закон непротиворечия, и закон исключенного третьего также базируются на понятии «противоречащее», в основании которого заложены предельные абстракции отождествления и различения – А и не – А.

Но в учении Аристотеля и, прежде всего, в его «Метафизике», помимо рассудочного мышления, довольно часто подразумевается и осмысливается разумное мышление. Оно обусловлено восхождением на более высокую ступень употреблением других видов противолежащего: «соотнесенного» и «противоположного». Причем все без исключения виды противолежащего заключают в себе момент не только интересубъективного, но и объективного подхода к логическому осмыслению реальности.

От рассудка к разуму. Овладевать операцией «сравнение» и сравнительными понятиями, значит, шаг за шагом подниматься по ступеням познания, значит, с позиций разума осмысливать все более широкую и более полную взаимосвязь явлений, в том числе, – познавать с объективных точек зрения и социальные действия, определяющие всю общественную жизнь.

Первый из этих шагов был связан с развитием рассудочного мышления и с развитием речи, возникающей на основе умения отождествлять и различать ситуации, сравнивать вещи и их свойства. Сегодня на основе отношений «тождество» и «различие» как предельных абстракций отождествления и различения мы имеем приблизительно 100 – 200 тысяч слов разговорного языка, т.е. классификационных понятий, позволяющих осмысливать *качественное многообразие мира*.

Второй шаг в направлении интеллектуального развития был связан с началом разумного мышления, обусловленного выявлением других видов противолежащего, а, значит, – с умением соотносить объекты одного и того же свойства: горячее с холодным, большее с меньшим, и т. п. В зависимости от выбранной точки зрения мы можем посмотреть на эти отношения по-разному: как на «*противоположное*» или как на «*соотнесенное*». Так, если стороны бинарной оппозиции рассматриваются как «избыток» и «недостаток» относительно середины, говорим о противоположностях. Если же одна из сторон осмысливается относительно другой – речь идет о соотнесенном. В дальнейшем, принимая «меньшее» за единицу измерения, человек осваивает величины, вводит в познание количественные понятия и логическую операцию «счет», позволяющую осмысливать *количественное многообразие мира*, использует градационную шкалу.

Выходит, что любое знание, в том числе и философское, должно быть представлено не произвольным образом, а в определенных стандартизированных формах. В качестве таких у Аристотеля как раз и выступают виды противолежащего, как такие «начала», которые отражают объективные отношения действительности. Это значит, что необходимым условием появления разумного мышления, а вместе с ним и философской науки, «первой философии», как ее называл Аристотель, – должно было стать создание особого языка, пригодного для объективного описания реальности.

Третий шаг также связан с операцией «сравнение», но он базируется на еще более сложном мыслительном конструкте – на использовании *ортогональной диспозиции*, которая в едином процессе отождествляет стороны не одной, а двух пар противоположностей, смещенных друг относительно друга по времени на четверть периода (или на угол 90 градусов). Ортогональная диспозиция, которая *недоступна сегодня гуманитариям*, позволяет осмысливать

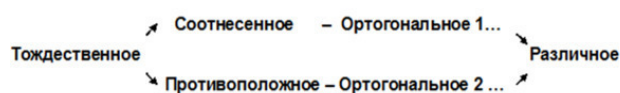

ритмы в неживой и живой природе, и, что самое главное, позволяет осмысливать социальные действия как обмены ресурсами. Осмысление более сложных отношений и процессов действительности требуют последующих шагов, каждый из которых дает еще более сложные абстракции, отождествляющие все более далекие различия бытия.

Операция «сравнение», дающая целый ряд видов противоположания, которые мы называем сравнительными понятиями, определяет универсальную парадигму познания, продвигающуюся по которой, как по «лестнице существ», мы будем познавать реальность.

Однако в современной философии, как и во всех других гуманитарных науках с их рассудочным мышлением, операция «сравнение» и сравнительные понятия так и остались не востребованными и не разработанными до конца. А без них, *лишенные разума гуманитарии* не могут ориентироваться в релятивном мире, не могут осмысливать его с объективных позиций.

Подобно множеству чисел, сравнительные понятия можем выстроить в два параллельных ряда, и, по мере познания реальности, дополнять их все новыми, и новыми понятиями. Как по ступеням мы будем подниматься от познания тождественности вещей к постижению все более далекого их родства, а, значит, – к созданию все более полных теоретических моделей, отражающих разумность мироустройства.

Рис. 1. Натуральный ряд сравнительных понятий

Верхний ряд универсальной парадигмы познания через понятие «соотнесенное» дает возможность осмысливать количественные параметры реальности, тогда как нижний ряд, через понятие «противоположное» – позволяет осмысливать процессы самодвижения.

Наконец-то, становится понятным, почему при помощи философских категорий как предельно общих классификационных понятий невозможно получить теоретическое знание. Все они представляют собой только самую первую, рассудочную ступень познания, выявляющую только самые общие качества. Для теоретического знания нужны сравнительные понятия, дающие объективные точки зрения для разумного осмысления бытия, его структурных многообразий.

Но ведь эти, потерянные философией структуры мысли, были основанием древнегреческой мудрости с которой, фактически, начинается и современная теоретическая наука. Так может и нам нужно возвратиться к осмыслению этих мыслительных структур для обоснования современной научной философии?

Я убежден, что *без этих абстракций, образующих действительно научную систему универсалий, философия как строгая наука никогда не сможет возродиться.* Универсализм этих понятий – важнейшее условие будущей интеграции естественнонаучного и социогуманитарного знания.

II. Древнегреческое мышление по пути от рассудка к разуму

1. Три типа мышления

Познавая мир, человеческий разум изначально вынужден был разделить его на части, в которых намечались более мелкие участки. Чтобы не заблудиться, надо было обозначить их словами, с помощью которых в языке разграничивались те или иные качества, закреплялись и накапливались представления о предметах и явлениях природы. Этот начальный процесс познания стал возможным потому, что он опирался на умение человека сравнивать вещи: отождествлять или различать их на основе отношений тождества и различия. На этой основе возникают классификационные (или качественные) понятия обычного разговорного языка, использование которых можно отнести к самому первому типу мышления, отражающему качественное многообразие мира.

В современных языках можно насчитать от ста до двухсот тысяч классификационных понятий. Зародившись на заре цивилизации, этот тип языковых средств и соответствующий им рассудочный тип мышления, благополучно развивается и поныне. Им пользуются представители разных наук, люди высокой культуры: поэты, писатели, политические деятели, представители гуманитарных и социальных наук.

Следующий шаг связан с углублением познания и появлением зачатков научного или разумного мышления за счет того, что в рамках одного и того же свойства, например, температуры, длины или тяжести можно было также обнаружить различия. Это позволило выделить новое отношение, зафиксированное в понятиях «больше» и «меньше». Данное отношение еще в древности обозначили понятием «соотнесенное», поскольку сравнению подвергались объекты одного и того же свойства. Это отношение позволило переосмыслить мир в бинарных оппозициях и, кроме того, обусловило появление градации, выражающей изменение степени интенсивности того или иного свойства, что еще более расширило возможности познания.

Принимая меньшую величину в качестве единицы измерения, люди освоили операцию «счет», который обусловил появление нового класса языковых средств – количественных понятий. Причем, в более ранний период счет был ограничен двумя членами, т.е. для сравнения вещей достаточно было только двух понятий: «один» и «много». Тогда как позднее между ними стали появляться и другие числа: «два», «три», «четыре» и т. д. Постепенно складывался бесконечный числовой ряд, благодаря которому появилась возможность измерять отношение данной величины к однородной величине, взятой в качестве единицы измерения. Именно эти понятия формируют язык метрической науки, который отражает количественное многообразие мира и они же, более чем классификационные понятия учат человека размышлять.

На представленном ранее Рис. 1, отражающем развитие познания, показано, что освоение структурного многообразия мира идет в направлении от тождества к различию, что связано с отождествлением все более непохожих свойств реальности. Подобно становлению числового ряда, оно идет через нахождение следующих друг за другом сравнительных понятий, лежащих между предельными абстракциями отождествления и различения: «соотнесенное», «противоположное», «ортогональное», «дополнительное», «подобное», каждое из которых появлялось вслед за предыдущим и обуславливало собой революцию в познании.

Итак, освоение мышлением всего лишь трех отношений, обусловленных операцией «сравнение» и выраженных в сравнительных понятиях: «тождественное», «различное» и «соотнесенное», обусловили появление речи и счета. В отличие от классификационных

и количественных понятий, которых в языке огромное множество, сравнительных понятий совсем немного. Но именно они позволяют, шаг за шагом, радикально изменять мышление, осмысливать во всем многообразии мира его единство.

На смену мифу и литературному рассудочному творчеству приходит новая форма общественного сознания – философия, в понятийный аппарат которой помимо классификационных и количественных понятий входит целый ряд сравнительных понятий: «избыток» и «недостаток», «сгущение» и «разрежение», «сходящееся» и «расходящееся» и других, отражающих собой структурное многообразие реальности. Недаром в древности говорили: «все познается в сравнении».

На мой взгляд, существуют три типа мышления, обусловленных преимущественным использованием трех типов понятий:

– *Рассудочное, филологическое мышление, как любовь к слову* – это мышление классификационными понятиями на основе отношений «тождественное» и «различное».

– *Разумное, философское мышление как любовь к мудрому слову* – это мышление классификационными и сравнительными понятиями на основе отношений «тождественное», «различное», «соотнесенное» и других.

– *Научное мышление как любовь к точному слову* – это мышление классификационными, сравнительными и количественными понятиями, а также огромным множеством математических абстракций разной сложности.

Первая ступень отражает качественное многообразие мира и характеризует недостаточно развитые, описательные науки.

Вторая ступень позволяет осмысливать качественное и структурное многообразие мира и обуславливает теоретическое знание.

Третья ступень дает точное количественное описание действительности.

В зависимости от поставленных целей человек по преимуществу использует тот или иной тип мышления.

Писатель, например, использует в основном классификационные понятия, не позволяющие выходить за рамки качественного многообразия мира.

А философ должен осмысливать реальность двумя классами понятий, постигая тем самым ее качественное и структурное многообразие.

Представитель конкретной науки, скажем, физики, пытается осмыслить не только качественные и структурные особенности мира, но и стремится найти его точные количественные характеристики.

Каждое время, и каждый народ по-разному расчленял и обозначал реальность в классификационных понятиях. Здесь не всегда возможна объективность, а это препятствует точному переводу с одного языка на другой. Однако содержание сравнительных и количественных понятий является однозначным для всех времен и для всех народов, поскольку отражает отношения такими, каковыми они являются на самом деле, сообщает истинное знание, предлагает действительный и однозначный образ мира. Эти понятия способствуют разумному, более глубокому пониманию действительности и взаимопониманию между людьми, так как одинаково делят мир на части, правильно отражают соотношение последних. Если бы люди опирались только на рассудок и на классификационные понятия, с которых собственно и начиналось познание, то они сумели бы выразить только качественное многообразие бытия и простейшие эмпирические законы.

Иное дело, когда мышление дополнено сравнительными понятиями. В этом случае появляется возможность осмысливать и систематизировать более широкий спектр отношений и процессов действительности, учитывать психические свойства людей, весь спектр их ощущений и чувств. На основе этих понятий можно упорядочить и сам язык, выделяя в лексике одно-

образные группы слов: синонимы, антонимы и др. В сравнительных понятиях можно отражать континуальность мира, его изменчивость и самоорганизацию.

К сожалению, за многовековую свою историю философия растеряла не только свой предмет, распределившийся между конкретными науками, она утратила и свою главную ценность – логическую операцию «сравнение», а, значит, она потеряла суть главного направления интеллектуального развития, обуславливающего ее разумность.

2. О точках зрения

Говорят *«человек – мера всех вещей»*, подразумевая под этим нечто духовное и возвышенное. На мой же взгляд, все значительно проще: относительно температуры нашего тела, мы судим о холодном и горячем, относительно нашего роста – о большом и малом. С аналогичных позиций, мы можем говорить о добре и зле, мягком и твердом, сухом и влажном, и тому подобном. Приблизительно так же воспринимают мир и животные. Но в отличие от чувственного познания последних, человек стремится вынести систему отсчета за пределы своего организма, благодаря чему переходит от субъективной оценки реальности к ее объективному осмыслению. Но в любом случае в основе объективного знания лежит сравнение вещей.

Оценка бытия, опирающаяся на поиск тождественного, – это объективная оценка, поскольку за исходную «точку зрения» принимался тот или иной реальный предмет, то или иное свойство или отношение, с которым как с образцом сравнивалось все. И в этом отношении прав Аристотель, когда говорит, что

«каждая вещь обозначается по отношению к каждой, как то же самое (тождественное), либо другое (различное)».

Так на основе отождествления и различения объектов и свойств окружающего мира возникает язык классификационных понятий – обычный разговорный язык, классифицирующий мир и отражающий объективность его качественного многообразия. Но эти же классификационные понятия позволяют человеку осмысливать реальность не только с объективных, но и с субъективных рассудочных позиций, обуславливающих плюрализм мнений.

Что же касается количественного и структурного многообразия мира, то классификационные понятия, совершенно здесь непригодны, поскольку осмысление этих сфер действительности требует других понятийных средств: натуральных чисел и сравнительных понятий.

Следующий шаг позволяет человеку анализировать мир, пропуская его сквозь призму отношений «больше» и «меньше». В древности эти отношения называли соотнесенными, поскольку под большим, например, понимается «большее» по отношению к меньшему, а под меньшим – меньшее по отношению к большему». Поэтому соотнесенные стороны всегда находятся вместе, так как вне отношения друг к другу они не имеют смысла. В итоге одна сторона этого отношения является объективной точкой зрения для суждения о другой стороне.

Но удивительным является то, что эту же самую реальность можно рассматривать не только с позиции одной или другой противостоящей стороны, но и с промежуточной точки зрения, посмотрев на стороны как на отношение противоположностей. Выходит, что с одной позиции отношение «больше – меньше» можно рассматривать как соотнесенное, с другой – как отношение противоположностей.

Например, если рассматривать друг относительно друга разницу температур на концах металлического стержня – можно говорить о горячем и холодном как о соотнесенных понятиях.

Но если рассматривать это же отношение с точки зрения промежуточного положения, т.е. «теплого» – то речь пойдет о противоположностях.

Выходит, что в одном случае горячее и холодное это соотнесенные понятия, в другом – противоположные. Также «большое» и «малое» можно рассматривать не только в отношении этих сторон друг к другу, но и в отношении к некой промежуточной величине, как избыток и недостаток. Это означает, что одна и та же реальность воспринимается по-разному в зависимости от выбранных ориентиров. Поэтому для научного познания очень важно, чтобы ученый хорошо ориентировался в выборе объективных точек зрения.

То же самое требование предъявляется к людям и в реальной жизни. На это обращали внимание многие психологи. В частности, Стивен Р. Кови описал ситуацию, в которой оказались его студенты, рассматривая рисунок с изображением двух совмещенных образов: молодой и пожилой женщины⁶. Возник спор, который был разрешен благодаря спокойному и детальному обсуждению рисунка. В результате все студенты смогли увидеть изображение с двух разных точек зрения.

Рис. 2. Разные точки зрения

Та же ситуация наблюдалась и в споре между древнегреческими философами. Причем «соотнесенное» и «противоположное», дающие объективные точки зрения на мир, не всегда имели у них одинаковый статус. В мифологии, например, приоритетным было осмысление реальности с промежуточных позиций. Этот объективный взгляд на действительность нашел свое выражение в образе Дике, персонифицирующей образ весов, благодаря которому мир рассматривался как отношение противоположностей, сочетающихся на все лады.

Мифологическое мировоззрение греков связывает это важное отношение действительности с действиями богини права и справедливости. Изображенная с повязкой на глазах и с весами в руках, она символизирует абсолютное беспристрастие, когда дело касается нахождения равных прав, промежуточных положений, противоположных свойств, состояний, вещей и т. п. Так, благодаря освоенному древнегреческими философами «закону весов», стало возможным судить о противоположностях как об «избытке» и «недостатке относительно строго заданной системы отсчета – «промежуточного».

Если раньше мерой всех вещей был сам человек, то «закон весов» и *понятие промежуточного как определенной точки зрения* на мир сделали возможным определять любые противоположности относительно ориентиров, лежащих вне человеческого организма. И хотя за всем этим продолжала наблюдать мифическая богиня, а у наследников Авраама сам Все-

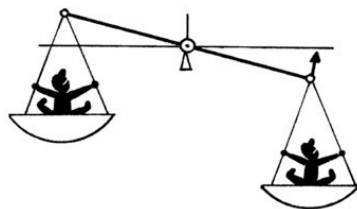
---

⁶ Кови Стивен Р. Семь навыков высокоэффективных людей. Издательство: Альпина Бизнес Букс, 2006 г. С. 30 – 31

сильный Творец, тем не менее, исследование противоположных начал вступило в новую фазу. Первобытное разумное мышление, находясь в неразрывной связи с языком, было уже невозможно без обобщений, без стремления во всем найти такие объективные закономерности, которым подчиняются как те или иные частные явления, так и более широкие и более удаленные от человека области действительности. А это, было возможным только с определенных объективных ориентиров: 1) с точки зрения крайних позиций или 2) с точки зрения промежуточного. Но в любом случае на основе понимания объективного закона весов.

Появление весов и других средств и единиц измерения показало, что «противоположности» могут быть только однокачественными объектами как избыток и недостаток относительно промежуточной степени этого же качества. Поистине, это была та объективная наблюдательная позиция, которая на сотни лет определила содержание античного мировоззрения. «Закон весов» был тем образцом, с которым сверялось все: будь то устройство космоса или проявление некоторых частных закономерностей природы, вопросы этики или правосудия. Величественнейшая из богинь – богиня справедливости и ничтожнейший из людей – разбойник Прокруст⁷, в своих действиях в одинаковой мере руководствовались этой «точкой» зрения, ибо каждый вершил свой суд относительно того или иного строго заданного промежуточного состояния.

В этой связи особый интерес представляет поэма Гесиода «Труды и дни»⁸, являющаяся одним из основных предфилософских источников древнегреческой философии. В этой поэме мы находим осмысление двух диаметрально противоположных процессов бытия, характеризующиеся двумя понятиями: «дике» и «адике». «Адикия» – характеризует процесс декомпенсации, в результате которого возникают противоположности «избытка» и «недостатка» из некоей промежуточной основы. Например, я занимаю или вымогаю у Вас десять долларов. В результате находящиеся в руках богини правосудия «весы» выходят из равновесия, поскольку мой карман стал тяжелее на десять долларов, а Ваш – легче. Этот процесс отождествляется Гесиодом с заведомо несправедливым делом, которое противопоставлено процессу компенсации – «дике», т.е. уничтожению противоположностей в промежуточное состояние, обуславливающее справедливость и порядок человеческой жизни. Ибо справедливость требовала от меня добровольно вернуть Вам долг или то, что изъято у Вас силой, либо обманом. В противном случае, Вы обращаетесь к судье, и он силой устанавливает справедливость. И тогда «весы» приходят в равновесие. Благодаря идеализациям «дике» и «адике», «компенсации» и «декомпенсации», справедливости и несправедливости во всех их модификациях и оттенках, Гесиод осмысливает не только судебный процесс или другие отношения между людьми, но и природный порядок⁹.

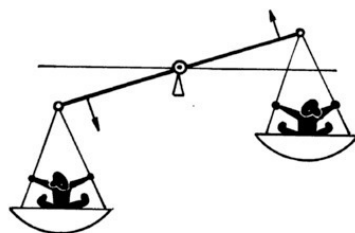

Рис. 3. «Дике» или компенсация

⁷ Прокрустово ложе, древнегреческий миф о великане-разбойнике Прокрусте, который насильно укладывал путников на ложе: тем, кому ложе было коротко, обрубал ноги; тем, кому было длинно — вытягивал.

⁸ Гесиод. Теогония. Работы и дни. // Эллинские поэты. / Пер. В.В.Вересаева. М., 1963.

⁹ См.: Драч Г. В. «Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. Электронная копия. Библиотека философской мысли Юга России. Ростов – на – Дону.

Рис. 4. «Адике» или декомпенсация

Именно идеи компенсации и декомпенсации, выраженные на «языке закона весов», становятся переходной ступенью от рассудочной предфилософии, к философии, от персонификаций к осмыслению реальности сквозь призму «промежуточного», которое для древнегреческих философов становится не только проблемой, но и отправной точкой зрения на мир. Поэтому привлеченные из мифологии образы обуславливают вполне разумное, рациональное понимание мира и человеческой жизни. Они составляют ту рациональную основу, на которой не только зарождается первая философская школа в Милете, но которая обуславливает и все последующее развитие древнегреческой философии.

Восстанавливая в правах божественного закона «сходящиеся» и «расходящиеся» стрелки весов, и закрепляя их в образах «дике» и «адике», раскрывающих специфику древнегреческого мышления, можно совершенно по-новому провести реконструкцию всей философии досократиков. Тогда как игнорирование или непонимание этих предфилософских абстракций, ставит непреодолимый барьер на пути осмысления античного мировоззрения, а также на пути преодоления пропасти, возникающей между современной гуманитарной и научно-технической культурами. Именно такая постановка вопроса может подтолкнуть философов различных направлений поддержать лозунг «назад к досократикам» с тем, чтобы коренным образом переосмыслить не только всю существующую историко-философскую традицию в освещении досократовской философии, но и наше современное рассудочное мышление.

Как специфический способ осмысления реальности, философия возникает из мифологии и античной науки в VII – VI вв. до н. э., т.е. лишь тогда, когда в познании активно осмысляются два типа отношений: соотнесенное и противоположное. А это свидетельствует, что процесс отделения философии от мифологии, литературы и от практических знаний растягивается на многие столетия. Чтобы стать философским, мышление должно было переориентироваться с мифотворчества и рассудочного освоения той или иной сравнительно узкой сферы действительности к разумному и объективному осмыслению структурного многообразия всего мироздания. Только на этой основе становится возможным возникновение философии как системно – рационализованного мировоззрения, включающего в себя огромное множество самых разных объективных подходов. Но, прежде всего, возникновение древнегреческой философии связано с различными попытками построения теоретической картины мира.

Причем в отличие от мифологической политеистической картины, строящейся в основном по законам воображения, новое воззрение на природу опиралось на разум, на умение отождествлять и различать ситуации, на стремлении использовать сравнительные понятия и видеть мир с объективной точки зрения: «Мудрость в том, чтобы знать все, как одно». А этот взгляд неизбежно подготавливал переход от веры во многих богов – политеизма, к вере в единого Бога – к монотеизму.

Поэтому одной из главнейших проблем, проходящих через всю историю философии и включающей в себя все другие проблемы познания, является осмысление перемен, происходящих как в самом способе философствования, обусловленном выбором исходных гносеоло-

гических ориентиров, исходных точек зрения, так и в религиозном мировоззрении. При этом надо иметь в виду, что речь в данном случае идет о первых философских работах, которые, как известно, почти не сохранились. Исключение составляют труды Платона и Аристотеля, в которых не только много искажений, обусловленных тем, что их авторы не всегда правильно понимали своих предшественников, но и тем, что они часто подгоняли историко-философский материал к своим концепциям. Кроме того, надо учесть, что со временем менялся смысл самих терминов, т.е. смысл классификационных понятий, как и то, что современная философия растеряла язык сравнительных понятий.

В этих условиях становится понятным, что на нашем сегодняшнем, рассудочном языке категорий – языке наиболее общих классификационных понятиях о мире и человеке, *невозможно* выразить прошлое знание и его взаимосвязь с господствующей религией. В связи с чем, *возникает сомнение, насколько действительное содержание античной философии соответствует ее общепринятому, современному пониманию и изложению*. А это накладывает на исследователя одно очень важное требование: *воссоздать* старый язык и старое разумное мышление. Не сумев осмыслить отношение: «соотнесенного» и «противоположного», двух исходных сравнительных понятий, обусловленных каббалистическим «законом весов» невозможно прочувствовать и движение античной мысли. При этом античная наука активно пользовалась огромным множеством классификационных и количественных понятий, а также целым рядом математических абстракций. Однако выбор ракурса или объективной точки зрения, с которой человек осмысливал реальность, был самым важным элементом философской системы, как и вообще любого знания. Поскольку именно в этом действии сосредоточен первоначальный акт мышления¹⁰.

---

¹⁰ См.: Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. С. 44 – 50.

3. Милетская школа

Создание первых не мифологических картин мира связывают с возникновением древнегреческой философии, которая формируется в греческих городах-государствах, сначала на западном побережье Малой Азии (в Ионии), а затем в греческих городах Южной Италии и Сицилии¹¹. Будучи центром ремесла и торговли, греческие поселения постепенно выдвигаются как большие культурные центры, одним из которых был город Милет. С конца VII до конца VI в. до н.э. здесь жили три первых философа: Фалес, Анаксимандр, Анаксимен.

Основателем милетской школы был **Фалес** (около 624 – 547 гг. до н. э.) – первый математик и физик Ионии. Будучи купцом, он много путешествовал, расширяя свои научные знания в самых различных областях человеческой деятельности. Все эти знания Фалес стремился упорядочить в систему в отвлеченной, теоретической форме. Не случайно Фалеса и его последователей античные авторы называли физиками или физиологами.

Рассматривая мир как непрерывно изменяющееся целое, Фалес полагает, что он обусловлен различными состояниями одного и того же материального начала, некой субстанции, ее «сгущением» и «разрежением» относительно некоего промежуточного начала. В античности этот вывод был распространен повсеместно и признавался большинством мыслителей. Зато активно осмыслялся другой вопрос. И здесь не было единства между философами, а именно: что принимать за первовещество, за субстанцию? Фалес находит, что это вода (жидкость). И считает, что все появляется из воды (жидкого) – и в воду (жидкое) все разлагается. При выборе воды решающее значение имело для него ее жидкое состояние (слово «вода» в древних текстах часто заменялось словом «жидкое»). По мнению В. Виндельбанда, мысль Фалеса состояла, главным образом, в том, чтобы объявить мировым веществом такое состояние материи, которое делало бы возможным переход в обе стороны – как в твердое, так и в летучее, в виде процесса уплотнения и разрежения¹².

Анаксимандр (610—546 гг. до н. э.) – ученик и последователь Фалеса, также был разносторонне образованным человеком. Интересовался математикой, физикой, астрономией, географией, изучал происхождение жизни и др. Не отрицая основного мировоззренческого ориентира Фалеса, Анаксимандр в то же время считал, что вода (жидкое состояние), не могла служить основой всего сущего, поскольку каждая вещь происходит «из своих собственных начал». Например, горячее и холодное – из теплого, белое и черное – из серого и т. п. Так что у каждого состояния, у каждой пары противоположностей должно быть свое, особое начало, особое промежуточное. Но в таком случае должно было быть и начало всех начал – первоначало, которое порождает мир в целом. И оно не может быть ни водой, ни какой-либо другой стихией (землей, воздухом, огнем), но это должна быть какая-то другая беспредельная природа, которая в одинаковой степени присуща всем стихиям. Эту бесконечную, активную, содержащую в себе противоположности среду Анаксимандр называет *апейрон*. Именно в ней, по мысли философа, заключается причина всеобщего возникновения и уничтожения.

Можно предположить, что Анаксимандр представлял себе некую от точки к точке изменяющуюся материальную среду, градацию, наподобие перехода от белого цвета к черному. Это позволяло философу взглянуть на нее с промежуточной позиции и увидеть противоположности как избыток и недостаток. Посмотрев на каждую из противоположных сторон в отдельности, с позиций их промежуточных положений, Анаксимандр видел подсистемы противоположностей и так без конца. Видимо такой взгляд позволил Анаксимандру предположить, что

---

¹¹ Я же думаю, что процесс этот надо связать с именем Авраама, а, значит, отодвинуть его в глубь веков боле, чем на тысячу лет.

¹² Виндельбанд В. История древней философии. Киев: «Тандем», 1995. С. 45.

апейрон включает в себя все виды противоположностей, которые порождают все тела «посредством различий в плотности и разреженности первоэлемента», что в свою очередь является основанием для рождения и гибели миров-небосводов, которое испокон веку повторяется по кругу.

В свидетельствах Симпликия, одного из доксографов, жившего на тысячу лет позже Анаксимандра, сохранился один небольшой фрагмент:

«А из каких (начал) вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды (ущерба) в назначенный срок времени»¹³.

Этот отрывок свидетельствует о том, что отношения между вещами, возникающими из бесконечной материальной среды, которую Анаксимандр называет апейрон таково, как отношение между «должником» и «кредитором», что свидетельствует о взаимосвязи мировоззрения Анаксимандра с мифологическим мировоззрением и, прежде всего, с законом весов, с идеей компенсации – Дике, как идеей космической справедливости (Правды). Причем, у Анаксимандра, несмотря на мифологическую терминологию уже нет этих сверхъестественных стражей меры, поскольку все космические процессы совершаются у него по своим имманентным законам, обусловленным активностью самой материальной среды. Поэтому смысл, вложенный в понятие «возмещение неправды» следует искать в мифологии и, прежде всего, в греческой идее компенсации – Дике, как идее космической справедливости (Правды), тогда как возникновение «задолженности» ассоциируется с идеей декомпенсации (Раздора).

Здесь наиболее отчетливо проявляется связь между мифологическим и философским мышлением, которые на первых порах идут рядом, имея своими источниками элементы первоначального эмпирического знания. Опираясь на объективные законы бытия, мифологическое мировоззрение оказалось уже способным представить идеи Несправедливости и Возмездия, Раздора и Правды, Декомпенсации и Компенсации в образе физического явления, т.е. в образе весов в руках богини правосудия, чаши которых в одном случае выходят из положения равновесия, в другом – стремятся к нему. В этом образе нашла свое конкретное отражение характерная черта античности – *мышление противоположностями*. Последние понимаются здесь исключительно как «избыток» и «недостаток» того или иного субстрата относительно положения равновесия – того промежуточного состояния, из которого возникают и к которому, уничтожаясь, стремятся противоположности.

Не случайно в первой части фрагмента Анаксимандр обращает наше внимание на то, *из чего* все сущее возникает и во что по необходимости оно уничтожается. И если слова «возмещение неправды» понимать как компенсацию (сходящиеся стрелки весов), а возникновение «задолженности» понимать как декомпенсацию (расходящиеся стрелки весов), то все становится предельно ясным. Появляется возможность определить «источник всеобщего возникновения и уничтожения». Все это позволяет предположить, что процессы «компенсации» и «декомпенсации» связаны у Анаксимандра временными рамками и в целом представляют собой своего рода циклический процесс (закон сдвоенных весов). Здесь, как и у Фалеса, точкой отсчета, с которой осмысливается мир, является «промежуточное», которое делит непрерывную среду на активные, противоположные части.

Анаксимен (585 – 525 гг. до н. э.) – ученик и последователь Анаксимандра. Как и его предшественники, Анаксимен осмысливает реальность с точки зрения промежуточного. Однако в качестве бесконечной, непрерывной среды – «апейроса», в отличие от Анаксимандра, он принимает одну из стихий – воздух, сгущение и разрежение которого порождает все видимое многообразие мира. По свидетельству Симпликия

¹³ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 127.

«разрежаясь, (воздух) становится огнем, сгущаясь – ветром, потом облаком, (сгустившись) еще больше – водой, потом землей, потом камнями, а из них – все остальное»¹⁴.

Сказанное об учениях милетских философов согласуется и со свидетельством Аристотеля о том, что

«все принимающие такое единое (начало) оформляют его противоположностями, например плотностью и разреженностью или большим и меньшим, а эти (противоположности), вообще говоря, сводятся, очевидно, к избытку и недостатку...»¹⁵.

Таким образом, первые греческие философы приняли то «начало», ту единственную абстракцию – образ весов, которая помогла внести упорядоченность в текущую неопределенность вещей и событий и, тем самым, обеспечили переход к мышлению не только классификационными, но и сравнительными понятиями – противоположностями, – одной из первых тотальных формализаций, прошедшей затем через всю историю философии¹⁶.

Но переход к разумному мышлению имплицитно, т.е неявно, подготавливал переход от веры во многих богов к вере в единого Бога.

---

¹⁴ Там же. С. 129.

¹⁵ Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С.74.

¹⁶ Соколов В. В. История философии и формализация//Филос. науки. 1988. N10. С.34.

4. Пифагор и пифагорейцы

В то время как на востоке Греции, в Ионии, последователи Фалеса объясняли единство и многообразие чувственного мира посредством противоположностей, на западе, в Сицилии и Южной Италии заговорили о новом единстве мира, выражаемом через отношение «больше – меньше» и количественные понятия. Это были Пифагор и его ученики – пифагорейцы.

Пифагор (571 – 497 гг. до н.э.) – выходец с острова Самос. Он был первым, кто называл исследователей природы и рассуждающих о смысле жизни любителями мудрости или философами. По совету Фалеса Пифагор в поисках знаний отправляется в Египет, затем не по своей воле попадает в Вавилонию. После 34 летнего обучения и странствий, он возвращается в «Великую Грецию», где на юге Апеннинского (итальянского) полуострова в Кротоне основывает свою философскую школу – Пифагорейский союз.

Рассказывают историю о том, как однажды, проходя мимо кузницы, Пифагор обратил внимание на то, что удары неодинаковых по весу молотов (большой и меньший) вызывают разные звуки. Зная вес молотов, можно было легко соотнести интенсивность звука с числом. Отсюда развивалось учение, согласно которому основой всего сущего признавалось число, поскольку числовые отношения отражают мировую гармонию.

Одно из наиболее полных изложений пифагорейских взглядов мы находим у Аристотеля, который писал:

«Они видели, что свойства и соотношения, присущие гармонии, выразимы в числах; так как, следовательно, им казалось, что все остальное по своей природе явно уподобляемо числам и что числа – первое во всей природе, то они предположили, что элементы чисел суть элементы всего существующего и что все небо есть гармония и число. И все, что они могли в числах и гармониях показать согласующимися с состояниями и частями неба и со всем мироустроением, они сводили вместе и приводили в согласие друг с другом; и если у них где-то получался тот или иной пробел, то они стремились восполнить его, чтобы все учение было связным... Во всяком случае, очевидно, что они число принимают за начало и как материю для существующего, и как (выражение) его состояний и свойств, а элементами числа они считают четное и нечетное...»¹⁷.

Не секрет, что всякое мышление формируется в противовес известной мысли, которую наш разум стремится превзойти. Не было исключением намерение Пифагора и его последователей превзойти философов (физиков) милетской школы. У пифагорейцев было ясное понимание того факта, что ими обнаружена новая, подлинная реальность, которая может быть осмыслена посредством величин и дискретных количественных понятий. В отличие от философов милетской школы, которые между реально существующими вещами находят динамические отношения, пифагорейцы искали и находили количественные зависимости, пропорции. Поэтому вместо традиционного осмысления бытия как отношения противоположностей, пифагорейцы осмысливают его с позиции соотношенного. Для греческой философии это был совершенно новый взгляд на реальность, заставивший пифагорейцев пересмотреть сущность понятия «противоположности». У Аристотеля мы находим список десяти пар бинарных оппозиций – это предел и беспредельное, нечет и чет, единое и многое, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, добро и зло, квадратное и прямоугольное. Аристотель никак не комментирует эту таблицу. Но мы понимаем, что

---

¹⁷ Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 75 – 77.

не все из этих парных понятий являются противоположностями, в том смысле, как их понимали древнегреческие физики – ионийцы, а именно: как избыток и недостаток (или как сгущение и разрежение) относительно промежуточного состояния.

В дополнение надо отметить, что противоположности у пифагорейцев статичны, ибо заимствуются не из чувственно воспринимаемого мира, а из математических наук, но, как известно, замечает Аристотель, «математические предметы лишены движения». Но даже в тех случаях, когда отношение противоположностей рассматривалось пифагорейцами как «избыток» и «недостаток» относительно промежуточного, т.е. с точки зрения «закона весов», идеи компенсации, все равно они видели в этом только уничтожение противоположностей в чем-то среднем, их равновесие. Выходит, что последователи Пифагора не сумели нащупать причинно обусловленный переход от идеи компенсации, как наиболее элементарной формы самодвижения, к циклическому самодвижению, которое на основе «закона сдвоенных весов» характеризуется соотношением в «едином» двух процессов: компенсации и декомпенсации, их суперпозицией. Поэтому пифагорейцы смогли видеть только часть процесса – компенсацию, что по времени занимает четвертую часть периода. Связать же ее с декомпенсацией, а тем более с целым периодом, т.е. с вращением тела по окружности или с колебанием его (положим струны) относительно положения равновесия – они не могли, несмотря на то, что периоды и отношения периодов, также как и отношения чисел, играли в учении пифагорейцев решающую роль.

А может быть, главной своей задачей они ставили не осмысление мира через противоположности, как это делали каббалисты и милетские философы, а его исчисление через категорию «соотнесенное» посредством чисел. Поэтому символом совершенства Пифагор избрал не Гексаграмму, символизирующую отношение противоположностей, а Пентаграмму – пятиконечную звезду, и сделал ее тайным знаком своей философско-математической школы. С помощью этого символа пифагорейцы отличали своих от чужих.

И все же, несмотря на мистический характер и односторонность взглядов пифагорейская философия без сомнения содействовала дальнейшему развитию обобщающей способности мышления. Если у Фалеса, который по существу был философом и физиком, математика только еще выходила из практической науки, то Пифагор первый превратил ее в умозрительную теоретическую дисциплину. Поэтому Пифагор является первым математиком в истинном смысле слова.

Проводя сравнение между двумя первыми философскими направлениями можно увидеть между ними существенное различие: милетская школа изучала природу с философской и физической точки зрения, тогда как пифагорейцы – с математических позиций. При этом милетская физика имела дело с качественным и структурным многообразием мира. Она искала и находила в нем множество самых разнообразных свойств, доступных чувственному восприятию, которые осмысливались затем через понятие «противоположности». Тем самым признавалась не только изменчивость, процессуальность, непрерывность и релятивность действительности, но подразумевалось ее объективное существование.

Иное дело – позиция математиков. Имея дело с той же самой реальностью, они осмысливали ее с позиции «соотнесенного», посредством бинарных оппозиций и дискретных количественных понятий – чисел. Со временем, переработав вычислительную математику, они все качественное многообразие мира с его чувственным восприятием оттеснили на второй план. Приоритет отдавался структурным и количественным многообразиям. Знание стало до такой степени абстрактным, «чистым», что дошло до почти полного разрыва с реальностью.

Так, на рубеже VII – VI вв. до н. э. с разрывом где-то в пятьдесят лет, возникли и на протяжении многих лет сосуществовали две противостоящие друг другу научные традиции: ионийская и италийская. В основаниях этих школ лежали два объективных взгляда на мир: с позиции

промежуточного и с позиции полюсов, т.е. два метода познания – диалектический и метафизический (физика и математика).

Милетская физика и пифагорейская математика есть познание одного и того же объекта – реальности с определенных объективных точек зрения. И хотя одно восприятие сильно отличается от другого, это не означает ложности ни одного из них. Предположение, будто только одна из представленных точек зрения может быть истинной, – это заблуждение. Целостная истина может быть получена только путем соединения альтернативных позиций.

Долгое время философы довольствовались частными истинами, однако, полнота заключается в единстве, дополнительности, прочном синтезе различных, но объективных подходов. Следует четко отметить, что зарождение философии происходило в условиях разделения или раздвоения познания на два конкурирующих направления. Именно физики и математики, первыми разделили и «удвоили» мир. Более поздняя философия получила это раздвоение в наследство.

5. Гераклит: «Гармония лука и лиры»

Одним из наиболее последовательных продолжателей милетской физики и принципиальных противников пифагорейской математики был **Гераклит** (около 530—470 гг. до н. э.). От его сочинения «Музы» или «О природе» (точного названия не известно), сохранилось около 150 фрагментов, а так же несколько сот свидетельств об учении. Но, несмотря на значительное «наследство», Гераклит так и остается для философов самым загадочным и самым непонятым мыслителем древности. Исследователи оказываются в ситуации «герменевтического круга»: понимание текста зависит от его перевода, тогда как перевод может быть осуществлен на основе его предварительного понимания.

Ситуация, на мой взгляд, такова, что без четкого понимания кабалистических законов: «закона весов» и «закона сдвоенных весов» понять гераклитовское наследие невозможно. Поэтому ни одно из ныне существующих рассудочных толкований его философии *абсолютно* не соответствует тому, что в своем сочинении излагал Гераклит.

Выход из создавшегося положения может быть найден на пути проникновения или вживания в его мировоззрение посредством кабалистических законов, т.е. посредством категорий «соотнесенное», «противоположное» и «ортогональное». Так, согласно учению Гераклита космос один, он не создан никем из богов, никем из людей, а в его основе лежит единое материальное первоначало – огонь, который может переходить из одного состояния в другое. Эти состояния космоса представляют собой избыток и недостаток.

Создавая науку о всеедином, Гераклит объединяет все противоположности, которое и есть «мудрое» или Бог. Ибо

«Бог: день – ночь, зима – лето, война – мир, избыток – нужда»¹⁸.

Этот фрагмент неопровержимо свидетельствует о переходе древнегреческих философов от веры во многих богов, к вере в единую Всесилу, т.е. об их пантеистическом мировосприятии. Тогда как попытка сохранить веру во многих богов не могла не разрушать самой философской основы.

Учение Гераклита не противоречит взглядам милетских натурфилософов. Поэтому слово «космос» имеет значение структурно организованного и упорядоченного целого, своего рода «мирового порядка», «космической справедливости», исходными процессами которого являются процессы компенсации и декомпенсации, которые подобны отношениям между должником и кредитором:

«Имени Правды (Дике) не ведали бы, если бы не было этого»¹⁹.

Последнее, свидетельствует о том, что изменение существующих вещей подчиняется у Гераклита природной необходимости, обусловленной взаимодействием противоположных начал. Гераклит уподобляет изменчивость бытия течению реки, поэтому бытие характеризуется тем, что оно связывает прошлое с будущим. Следовательно, бытие – это процесс *уничтожения* старого и *возникновения* нового.

Прежде всего, философ исходит из признания относительности противоположностей: добра и зла, горячего и холодного, красоты и безобразия. В этом случае ему вполне достаточно сравнительных понятий «больше – меньше», поскольку одна сторона отношения может быть определена только по отношению к другой: твердое – по отношению к мягкому, сильное – по отношению к слабому и т. д. Здесь соотносятся две стороны, два понятия.

---

¹⁸ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. М., 1989. С. 236.

¹⁹ Там же. С. 214.

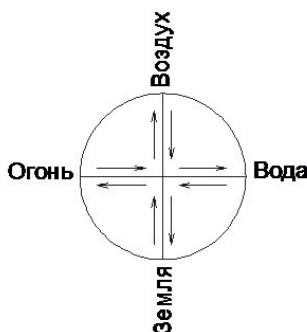

Но совсем другое дело, когда выражают в понятиях промежуточный термин. В этом случае сравнительные понятия «больше – меньше» не отражают существа дела, поскольку одно и то же соотносится не с одной стороной, как в первом случае, а одновременно с двумя сторонами. Это значит, что «промежуточное» относительно «большого» – является «меньшим», а относительно «меньшего» – «большим». Относительно «горячего» – «холодным», а относительно «холодного» – «горячим». Поэтому *противоречивость промежуточных состояний может рассматриваться как более сложная форма относительности*. Изложение этой гераклитовской мысли находим у Ипполита:

«Море – вода чистейшая и грязнейшая: рыбам – питьевая и спасительная, людям – негодная для питья и губительная»²⁰.

Гераклит не разделяет идею крайнего релятивизма, несмотря на то, что относительность была положена им в основу теории познания. Для него противоречие познаваемо, поскольку оно объективно существует и в качестве «промежуточного» тесно связано с отношением двух взаимообусловленных сторон. Поэтому, в древности на Гераклита уже смотрели как на отца релятивизма. При этом в учении Гераклита мы находим два вида противоречия: между избытком и недостатком того или иного качества в процессах компенсации и декомпенсации и между двумя качествами, новым и старым, которые связаны между собой процессом возникновения и уничтожения. Если в первом случае противоречивое единство сторон обуславливает их синхронное уничтожение или возникновение, то во втором случае оно характеризуется «борьбой» сторон, возникновением одной и уничтожением другой:

«огонь живет за счет смерти земли, воздух живет за счет смерти огня, вода живет за счет смерти воздуха, земля за счет смерти воды»²¹.

Рис.5. «Огонь живет за счет смерти земли...»

Таким образом, учение философов милетской школы о противоположностях является частью более общего и более сложного учения Гераклита о гармонии, которую он понимал как циклический процесс, обусловленный законом сдвоенных весов:

«Единое, расходясь (враждуя) с самим собой, сходится (ладит), словно гармония лука и лиры»²².

Причем в зависимости от конкретной ситуации отношение противоположностей может быть отношением компенсации, если противоположности, уничтожая друг друга, приходят в положение равновесия, или отношением декомпенсации, если промежуточное дифференцирует на противоположности. В первом случае Гераклит использует понятие «сходящееся»,

²⁰ Там же. С.206.

²¹ Там же. С.205.

²² Там же. С.199.

а во втором – «расходящееся». Увидеть это можно, наблюдая за стрелками весов, качающихся относительно положения равновесия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.